

К. ИВАНОВ

В Д О В А

(С к а з к а)

Сказка — на столбе дубовом,
Сам сижу на аргамеке.
Я скакал, скакал в круто
Осадил его, гнедого,
Где сражались два народа,
Сутки целые провел там
И такой я видел случай.
На войне в чужбине дальвей,
Страждут семеро братьев,
Я, чуваш и чутким сердцем
Понял, что они — чуваша,
И добра я пожелал им.
Братья добрые чуваша!
Пусть враги-злодеи сгинут,
Пусть и солнце и природа
В эти дни дарят вам бодрость.
Бьются семеро братьев,
Каждый в белом снаряженьи,
Шапки шиты меховые,
Сзади — кошья голубые,
А в руках — кистень зеленый.
И быстрее вольной птицы
Всюду скачут аргамеки,
Фыркают и бьют копытом,
Черепя трещат лишь вражья.
Гул стоит вокруг военный,
Сотрясая всю окрестность.
Бьются семеро братьев,
Бьются, битвой наслаждаясь,
Черепя трещат лишь вражья,
Кровь лишь черная дымится.
Аргамек мой в диком страхе
От сумятицы военной
Взвился на дыбы, рванулся
И повес, куда — не знает.
А когда он, утомленный,
Присмирел, остановился,
С ним увидели мы вот что:
Ветер по полю гуляет,
Рожь волнуется густая,
Спелым колосом качаясь.
И свекровь выходит утром,
Семь своих ведет невесток
За собой сюда, на жатву
Семеро братьев бьются
На чужбине на далекой,
Здесь их жены неуставно
Рожь высокую срезают
И курчавыми снопами
Быстро складывают копы,
Песню тихо напевая.
Но свекровушка-старуха
Беспокоится сегодня.
Вот в душевном беспокойстве
Подшла она к телеге,
Достает она семь ложек
И бросает вверх, промолвив:
— Добрый Полексе, откройся!
Ты скажи, скажи мне правду:
Чья нальется кровью ложка —
Муж ее убит врагами.
Вот упала ложка младшей,
Кровь наполнилась до края...
И невестка к месту битвы
Зашагала в чистом поле.
Вся в слезах бредет невестка,

Брата старшего встречает:
— Братец, братец, ты не видел
Своего меньшего брата?
— Видел, видел, горемыка:
На горе высокой — домик,
Спит в том доме младший брат мой.
Он укрылся серой шкурой
Своего коня-любимца,
На лице — платочек белый,
А в руке — кистень зеленый.
Побрела она, рыдая,
И второго видит брата:
— Братец, братец, ты не видел
Своего меньшего брата?
— Видел, видел, горемыка:
На горе высокой — домик,
Спит в том доме младший брат мой.
Он укрылся серой шкурой
Своего коня-любимца,
А седло — под головою,
А копы — у ног воткнуто.
И бредет она, рыдая,
Третьего встречает брата:
— Братец, братец, ты не видел
Своего меньшего брата?
— Видел, видел, горемыка:
На горе высокой — домик,
Спит в том доме младший брат мой.
Он укрылся серой шкурой
Своего коня-любимца,
На лице — платочек белый,
Ночь надвинулась на очи.
Побрела в слезах бедвижка.
Перед ней — гора крутая.
И туман молочно-белый
У ее вершины вьется.
Солнце ясное не светит,
Не ликует золотое,
За большой таятся тучей:
Своего стыдится света.
Воет ветер заунывный,
Песенку поет уныло.
Над вершиной хищный ворог
Клюв огромный разевает,
Чужь близкую поживу.
Дом стоит на той вершине,
В доме крепко спит убитый,
Спит, безмолвный, неподвижный.
День и ночь она горюет,
Труп холодный обнимает,
Но ему потухшим сердцем
Не понять ее страданья,
От ее терзаний горьких
Не проснется беспробудный
На четвертый день супруга
С головы взяла у мужа
Золотых три волосинки
И доковчила с собою.
Гут, печально поразмыслив,
Своего коня убил я
И устроил чюкь*) погибшим,
По обычаю чувашей.

Перевел с чувашского
И. ПИМЕНОВ

*) Чюкь — жертвоприношение.